единого многонационального государства. Складывалась новая историческая общность людей – советский народ.

Социально-экономические реалии российской действительности предопределяют особую значимость межэтнических отношений для нашей страны, а также необходимость проведения активной и последовательной государственной национальной политики на федеральном и региональном уровнях.

Список литературы

1. *Болтенкова, Л.Ф.* Интернационализм в действии. – М, 1988.

2. *Игнатьев, В.И.* Совет Национальностей ЦИК СССР. – М.–Л., 1926.

3. *Коркмазов, А.Ю.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе (история и современность). – Ставрополь, 1994.

4. *Савельев, В.В.* Модель самоопределения народов в России. – М., 2010.

5. *Свириденко, Ю.Л., Неборский, М.Ю.* Российское многонациональное государство: пути согласия народов. – М., 1997.

6. *Тишков, В.А.* Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтнических государствах. – М., 1994.

© Хамхоев Р.М., 2011

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

А.В. Кузьмина

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕГО СТРУКТУРА

КУЗЬМИНА Алла Владимировна – кандидат философских наук, депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, заместитель председателя Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций (e-mail: alla@bf-zdn.com)

Аннотация. *Публикация посвящена актуальным и дискуссионным проблемам распространенности права в жизненном мире различных субъектов,*

обоснованию авторского понимания содержания, структуры правового, правоприменительного пространства современной России. Особое внимание уделяется обоснованию тезиса о том, что пространственными измерителями права выступают не только императивные нормы текущего законодательства, но и правоприменительные потребности, интересы субъектов, правоприменительная идеология, культура правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: *право, правовое пространство, правоприменительное пространство, конфигурация, структура правоприменительного пространства, правоприменительный поступок как первичная ячейка правоприменительной реальности.*

В современных условиях тотальных модернизаций всех классических типов социальных регуляций, включая регуляции на основе правовых, правоприменительных ресурсов, хаотизации представлений о их смысле, содержании, о их категориально-понятийной идентификации, актуализируется важность разностороннего рассмотрения содержательных, пространственно-временных, структурных признаков динамичного, противоречивого развития российского правового, в том числе правоприменительного, пространства, обновления соответствующего понятийного аппарата.

В современном правоведении используется, обосновывается множество определений права, отражающих с той или иной степенью убедительности и адекватности регулятивно-нормативный характер данного феномена. Но при любом позиционировании субъективного видения права невозможно игнорировать его пространственные измерители и спецификации.

Право в его любом качестве – феномен социальной пространственной «вездесущности». Право там, где есть осознанная, мотивированная, целенаправленная жизнедеятельность двух и более индивидов, обремененных правами и обязанностями в силу и объективных условий, и субъективных обстоятельств. Пространственные характеристики права начали привлекать российских правоведов лишь в 90-е гг. XX в., когда происходили революционные изменения как в правовых, в правоприменительных отношениях, так и в научно-мировоззренческих позициях, с которых они исследовались.

Данной проблематике уделяли внимание многие отечественные правоведы, среди которых следует выделить работы С.С. Алексеева, С.Н. Бабурина, И.Н. Барцица, И.А. Исаева, М.В. Немытиной, Ю.А. Тихомирова[1].

[1] См.: *Алексеев, С.С.* Философия права. – М., 1997; *Алексеев, С.С.* Общая теория права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009; *Бабурин, С.Н.* Территория государства: правовые и геополитические проблемы. – М., 1997; *Барциц, И.Н.* Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. – М., 2000; *Исаев, И.А.* Топос и номос: пространства правопорядков. – М., 2007; *Немытина, М.В.* Право России как интеграционное пространство. – 2-е изд., перераб. – Саратов, 2008; *Тихомиров, Ю.А.* Курс сравнительного правоведения. – М., 1996 и др.

В публикациях этих и некоторых других правоведов разрабатывается и соответствующий категориально-понятийный аппарат, отражающий авторские представления о пространственных параметрах правовой реальности. Представители различных школ и направлений юридической науки рассматривают проблематику правового пространства с различных научно-мировоззренческих позиций. В отечественном правоведении доминирует позитивистский взгляд на правовое пространство, когда акцент в его исследовании делается лишь на действии нормативных юридических документов в пределах территории государства в тех или иных временных параметрах. Как правило, доминирует сферный принцип типологии жизненной, социальной реальности.

Сферный подход к пониманию правового пространства реализован И.Н. Барцицем. «Правовое пространство, – пишет автор, – представляет сферу регламентации юридическими нормами моделей правомерного поведения государства, его составных частей и граждан в границах территории данного государства и конкретного исторического времени»[1].

В этом определении просматривается позитивистская позиция автора, в которой безусловно доминируют нормативно-государственные начала в понимании права и правового пространства. Обосновывая свою позицию, И.Н. Барциц пишет далее: «Позитивное право неразрывно связано с государством, поэтому процессы формирования правового пространства непосредственно обусловлены процессами развития государственного пространства»[2].

С утверждениями этого автора можно согласиться лишь отчасти. Любое право, в том числе и понимаемое в контексте социально-гуманитарного позитивизма, связано и с государством, и с гражданским обществом, и с индивидами. Связь эта неразрывна, диалектична, непосредственна и опосредована.

Среди дискуссий конца XX в. по поводу взаимосвязи права и иных феноменов жизненной реальности нам более близка позиция известного исследователя Г.В. Мальцева. «В условиях подлинной демократии, – писал он в 1990 г., – связь между правом и государством зависима и производна от связи между правом и обществом... Истинным создателем права является демократическое общество, а государство осуществляет известные действия по изданию юридических актов и организации их исполнения...»[3]. В своих последующих публикациях Г.В. Мальцев развивает и всесторонне обосновывает данное положение, следование которому существенно корректирует позитивистские воззрения на содержание и структуру правового пространства.

---

[1] *Барциц, И.Н.* Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. – М., 2000. – С. 24.

[2] Там же. – С. 76.

[3] *Мальцев, Г.В.* Социалистическое правовое государство: исторический опыт и традиции. – М., 1990. – С. 147.

«В сущности, – писал автор в своей фундаментальной работе «Социальные основания права», – право есть *образ порядка* (выделено нами. – *А. К.*), способного себя сохранять и поддерживать, подтверждать свое существование во времени и пространстве»[1].

Если право представляет диалектический синтез объективно складывающегося порядка-нормативности и образа данного порядка, выражаемый с предельной адекватностью в категории «правосознание» (субъективный образ объективной правовой материи), то правовое пространство не может ограничиваться рамками так называемого государственного пространства, а должно представлять многомерное поле диалектического бытия феноменов правового сознания, мотивированной правовой, правоприменительной деятельности структур, должностных лиц государства, правоспособных индивидов, институтов гражданского общества.

Правовое пространство, так же как и политическое, экономическое, идеологическое, культурное пространство, не может замыкаться в территориальных границах государства, ибо право – это и легитимное действие-поступок на основе юридических норм и правовое сознание, включающее в себя правовую науку, правовую идеологию, правовую политику, правовую культуру, юридическое образование, иные феномены правовой духовности.

Размышляя о феномене границы, И.А. Исаев отмечает, что «граница пролегает не только в ландшафтном пространстве, она не менее реальна и ощутима в сознании... Поэтому и правоведение при определении этого феномена должно учитывать всю полноту составляющих его элементов и признаков, не ограничиваясь только внешними (и поэтому всегда не полными) политико-географическими характеристиками»[2].

Границы правового пространства современной России, как и любого другого сообщества правоспособных личностей и правовых институций, определяются не «железной стеной государственных границ», а содержанием, спецификациями, распространенностью в социальном поле ресурсов соответствующего права, в данном случае российского права, или точнее, права российских субъектов.

При этом безусловно следует учитывать спецификации права, его нормативный характер. В отличие от идеологии, других феноменов, где доминирует духовность, экспорт национальных правовых ресурсов в глобальное жизненное пространство обременен соответствующими процедурными механизмами. Вместе с тем очевидно, что любой гражданин Российской Федерации, выезжающий на законных основаниях за пределы России, не покидает ее правовое пространство не только потому, что в соответствии со ст. 61 Конституции Российской Федерации «Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами»,

[1] *Мальцев, Г.В.* Социальные основания права. – М., 2007. – С. 5.

[2] *Исаев, И.А.* Топос и номос: пространства правопорядков. – М., 2007. – С. 197.

но и в силу того, что в любой точке социума гражданин России, другие субъекты отечественного права в той или иной мере идентифицируют себя с российским правом, осознавая свою правовую субъектность, в том числе и как носителя соответствующего правосознания.

В современную правовую науку понятие «пространство» введено из философии, понятие «поле», применительно к социальной, к жизненной реальности, наиболее интенсивно разрабатывается в социологии в качестве своеобразной альтернативы понятию «сфера общественной жизни».

Известно, что теория сферной классификации социальной реальности, освоенного человеком жизненного пространства, активно разрабатывалась представителями социалистического обществоведения. Сферная классификация в определенном смысле весьма рациональна и удобна для практического применения. Все жизненное пространство, как правило, делилось на экономическую сферу, социальную сферу, властно-политическую, или властно-правовую сферу, и идеологическую, или духовно-идеологическую сферу. Но по мере разработки данной классификации начали возникать проблемы, трудности, связанные с определенным механизмом деления жизненных отношений, социальных явлений, процессов на сферы. Многие феномены, в том числе экономические, социальные, политические, правовые, «не умещались» в границы тех или иных сфер. Более глубокий, системный анализ позволял видеть, что в экономике органично присутствуют социальные, правовые, духовные феномены, а в свою очередь так называемые надстроечные сферы пронизаны экономическими явлениями и процессами. Оказывалось, что невозможно адекватно осмысливать экономику без обращения к экономическому мышлению, к экономической культуре, как и невозможно глубоко осознавать сущность, практическое бытие права, правоприменительную практику без системного анализа правосознания, его различных компонентов.

Повышенный интерес к проблематике жизненного пространства во многом предопределялся разработками представителей западной философии, социологии, психологии теории социального поля. Известный французский социолог Пьер Бурдье при анализе социального пространства делал акцент на пространственных дистанциях между социальными субъектами или агентами, на отражении содержания, смысла подобных дистанций через соответствующие принадлежащие им ресурсы. «Социальное пространство, – отмечал Бурдье, – ...сконструировано таким образом, что агенты, группы или институции, размещенные в нем, имеют тем больше общих свойств, чем более близки они в этом пространстве, и тем менее, чем более они удалены друг от друга»[1].

С нашей точки зрения, положение Бурдье о диспозиционности субъектов в социальном пространстве применимо и для осмысления проблем

[1] *Бурдье, П.* Начала / пер. с франц. – М.: Socio-Logos. – С. 186.

правовых пространств, и прежде всего глобально-цивилизационного и государственного типа.

Правовая, правоприменительная близость или удаленность субъектов права относится к числу тех критериев, на основе которых можно выделять те или иные правовые пространства конкретных государств, государственных образований, иные правовые пространства. Сами же дистанции между субъектами, их пространственные позиции предопределяются степенью эффективности борьбы за присвоение дефицитных жизненных благ, среди которых он выделяет «экономический капитал в его различных формах, культурный капитал, а также символический капитал... «Таким образом, – делает вывод Бурдье, – агенты распределены в общем социальном пространстве в первом измерении по общему объему капитала в различных его видах, которым они располагают, и во втором измерении – по структуре их капитала, т. е. по относительному весу различных видов капитала (экономического, культурного...) в общем объеме имеющегося у них капитала»[1].

Идеи теории поля с психологических позиций выдвигал и обосновывал известный психолог Курт Левин. В качестве базового признака социального поля-пространства он также выдвигал социально значимые феномены – индивидов, группы, территориальные образования и т. д., но при этом в систему психологических измерений социального поля автор дополнительно включал изменчивость психологической позиции, ее подвижность; силу, побуждающую к изменению позиции, к передвижению в социальном поле; целеполагание, проявляющееся в различного рода напряжениях, конфликтах; поведенческие ценности, некоторые иные показатели[2].

С нашей точки зрения, в универсально-широком смысле *правовое пространство есть поле воспроизводства реализации правовой субъектности, правовых статусов, правовых ресурсов.*

Правовое пространство отличается своей многомерностью, определенной размытостью границ, синтезом упорядоченности и хаотичности отношений субъектов, их неравномерной концентрацией в тех или иных точках.

В контексте современного концептуального, категориально-понятийного плюрализма, характерного для системы социально-гуманитарного знания, в том числе и для правоведения, весьма затруднительно обосновывать содержание понятия «правоприменительное пространство», его соотношение с понятием «правовое пространство».

Традиционные сферные или уровневые критерии типологизации в данном случае вряд ли применимы, ибо правоприменительное пространство не является сегментом или сферой правового поля. Не корректно относить правоприменительное пространство к пространству второго уровня,

---

[1] *Бурдье, П.* Начала / пер. с франц. – М.: Socio-Logos. – С. 186.

[2] См.: *Левин, К.* Теория поля в социальных науках / пер. с англ. – СПб, 2000. – С. 60–63.

так как это не соответствует реалиям распределения субъектов, ресурсов применения права в правовом пространстве.

Можно сформулировать предположение, что различаются не сами правовые, правоприменительные пространства как таковые. Это различие в видении правовых феноменов под разными углами зрения, позволяющими видеть различные срезы правовой реальности. По аналогии – некорректно представлять, к примеру, жизненное поле индивида, семьи, мегаполиса как совокупность автономных экономических, социальных, властно-политических, правовых, духовно-идеологических и иных пространств.

Рефлексивная расчлененность данных синтетических феноменов обоснована в определенном смысле как метод моделирования бытийной синтетической реальности, что позволяет концентрировать внимание исследователя на тех или иных аспектах этой реальности.

С помощью понятия «правоприменительное пространство» мы выделяем в бытии права те элементы, которые позволяют более системно и качественно исследовать *правовую процессуальность, функционирование права, делая акцент на реализации правовых субъективных ресурсов.*

Пространственная конфигурация права во многом предопределяется осознанной, мотивированной правоприменительной деятельностью индивидов, государства, институтов гражданского общества.

Осознанный, мотивированный правоприменительный поступок является, как нам представляется, первичной структурной клеточкой правоприменительного пространства.

Осознанное, мотивированное правоприменительное действие или бездействие по поводу реализации субъективных правоприменительных возможностей – причем как конструктивного, так и деструктивного типа – детерминируют не только процессы расширения или сужения правового пространства, но и направленность, динамику изменения его внутрипространственных параметров.

Неприменяемое право утрачивает свои регулятивные, сущностные ресурсы, обусловливая регрессивную фрагментацию правового пространства.

В правовом пространстве современной России наибольшую актуальность имеют процессы, отражающие субъектно-субъективную реализацию права, его мотивированную конструктивную применимость, причем применимость не только конкретных субъективных прав, но и применимость правовых потребностей, интересов, ценностей, правовой идеологии, юридической компетентности, иных духовных капиталов отечественного права.

В определенном смысле пространственное бытие права презентует себя прежде всего через публичную правоприменительную деятельность субъектов.

Свою специфику имеет правоприменительное пространство правоспособной личности, федерального министерства, органа исполнительной

власти субъекта РФ, института гражданского общества, судьи, менеджера частной компании, руководителя фракции Государственной Думы, иных применителей права.

Категория «правовое пространство» выражает такое видение права, когда внимание познающего субъекта сконцентрировано на элементах правовой стабильности, устойчивости, временной, структурной, функциональной многогранности. Это видение и творения права и его применения.

Категория «правоприменительное пространство» выражает иное видение права, такое видение, которое сосредоточено на феноменах, *отражающих процессы реализации правового капитала*. Термины «реализация права» и «применение права» мы используем в качестве синонимов, и прежде всего для того, чтобы посредством необоснованного дробления понятий (применитель права, правообладатель, правопользователь и т. д.) не унижать правовую субъектность-статусность личности, беспредельно возвышая правовую субъектность государства, его институционализированной бюрократии.

Участникам современных дискуссий о правовой, о правоприменительной реальности, которые выходят за пределы лишь конструктивных диалогов юристов, целесообразно поразмышлять о положении Пьера Бурдье, который, отвечая на вопрос собеседника по поводу места субъекта в жизненном, социальном пространстве, писал: «…*принадлежность конструируется, обсуждается, выторговывается, разыгрывается* (выделено нами. – *А. К.*). И здесь еще раз нужно преодолеть оппозицию волюнтаристского субъективизма и сциентистского и реалистского объективизма: социальное пространство, расстояния в котором измеряются величиной капитала, определяет близость и сродство, отдаленность и неисправность, короче говоря, вероятность принадлежать к реально объединенным группам, семьям, клубам или… классам. Но именно *в борьбе за классификацию* (выделено нами. – *А. К.*), за навязывание той или иной манеры расчленения этого пространства, за объединение или деление и т. п. определяются реальные связи»[1].

Данное положение известного исследователя социальной реальности применимо и к осмыслению субъектной, ресурсной конфигурации правоприменительного пространства.

Борьба за классификацию, успешно проводимая в советское время политической бюрократией, завершилась тем, что абсолютным правоприменителем стало государство, а точнее – немногочисленная политическая бюрократия, занявшая привилегированное положение в сконструированном правоприменительном пространстве, где личность была помещена на периферию правоприменительного поля, лишившись статуса субъекта применения права.

[1] *Бурдье, П.* Начала. – С. 116.

Борьба за современную классификацию правоприменительной субъектности еще не завершилась, хотя на конституционном уровне дезавуирована правоприменительная монополия государства и выторговано, говоря словами Бурдье, определенное место для личности, субъектов в современном российском правоприменительном пространстве, хотя проблема правоприменительных капиталов индивида, институтов гражданского общества, других негосударственных субъектов далека от решения.

Понятие «правоприменительное пространство» с достаточно высокой степенью адекватности отражает мотивированную, осознанную деятельность субъектов по реализации своих правовых ресурсов, деятельность, отличающуюся синтезом упорядоченности и хаотичности. Подобная синтетичность применения субъективных ресурсов ориентирует исследователя на видение в правоприменительном пространстве неких участков большей или меньшей системности, упорядоченности, хаотичности, фрагментарности, большей или меньшей плотности субъектной концентрации, большей или меньшей интенсивности правоприменительных отношений.

Очевидна доминанта и плотности и интенсивности правоприменительных отношений в точках концентрации финансовых, политических, иных современных капиталов, но менее очевидна концентрация в них поведенческой правовой упорядоченности. Скорее наоборот, если данные точки правоприменительного пространства ассоциировать с правоприменительной практикой, к примеру московского региона, то можно предположить весьма большую долю правоприменительной хаотичности, в том числе деструктивного свойства.

Особую остроту и актуальность для современной России, мечтающей о статусе правового государства, а точнее – о статусе правового общества, имеет проблема расширения, качественного изменения правоприменительных пространств «физических лиц», точнее, лиц социально значимых.

В не всегда публичных дискуссиях представители «титульного» правоприменителя высказывают опасения, что расширение правоприменительного поля реализации правовых интересов и юридических возможностей индивидов, институтов гражданского общества невозможно и даже деструктивно, ибо не все «физические лица» готовы к самостоятельной, активной правоприменительной деятельности и могут способствовать хаотизации правоприменительной практики, росту некачественной правоприменительной конкуренции между понуждающим государством и самодостаточной (в правоприменительном смысле) личностью.

Вероятно, следует продолжить как приватные, так и публичные дискуссии о содержании, структуре, динамике изменений, происходящих в правоприменительном пространстве России.

Современные иследователи много пишут и говорят об инвестиционном климате в России. В контексте широко понимаемого феномена «инвестиционный климат» было бы полезно поразмышлять о наших интеллекту-

альных, социокультурных, духовно-нравственных и иных инвестициях в правоприменительное пространство, прежде всего в те его сегменты, где особо значима личностная правоприменительная субъектность.

Список литературы

1. *Барциц, И.Н.* Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. – М., 2000.
2. *Бурдье, П.* Начала / пер. с франц. – М., 1994.
3. *Исаев, И.А.* Топос и номос: пространства правопорядков. – М., 2007.
4. *Левин, К.* Теория поля в социальных науках /пер. с англ. – СПб., 2000.
4. *Мальцев, Г.В.* Социальные основания права. – М., 2007.

© Кузьмина А.В., 2011

А.С. Фадеева

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ: СРЕДСТВА, ПРИЕМЫ И СПОСОБЫ АНАЛИЗА

ФАДЕЕВА Анастасия Сергеевна – аспирантка очной формы обучения Российского университета кооперации (e-mail: fadeev-omsk1@mail.ru)

Аннотация. *Анализируются проблемы юридической техники правового мониторинга: выделяются технико-юридические компоненты механизма реализации аналитической функции, определяются задачи, возникающие в ходе реализации аналитической функции правового мониторинга и методы их решения.*

Ключевые слова: *аналитическая функция правового мониторинга; техника правового мониторинга; критерии и показатели оценки эффективности законодательства, цель правовой нормы, методы правового мониторинга.*

Правовой мониторинг – новое явление в российской науке и практике.

Наиболее точно, с нашей точки зрения, сущность и содержание данного явления отражено в дефиниции, предложенной Н.Н. Черногором. Он определяет правовой мониторинг как методически обоснованную комплексную систематическую деятельность уполномоченных субъектов по наблюдению, анализу, оценке качества правовых норм и практики их применения на предмет достижения заложенных в них целей и планируемых результатов правового регулирования общественных отношений, а также